

Дмитрий Дармостук

50 mph

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Александрович Дармоустук

50 mph

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66252256

SelfPub; 2021

Аннотация

История девушки Элли, что умела чувствовать мир иначе, фантазировать и продолжать жить в апатии, но даже её фантазии не хватило, чтобы представить тот фокус, который ей всё это время готовила жизнь.

Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Дармоустук

50 mph

По радио передавали очередные новости:»...поэтому убедительно просим водителей быть аккуратнее на шоссе 108. Удачного пути! А мы включаем Oasis-«Stop Crying Your Heart Out»!»

Шёл сильный ливень. Слева за стеклом была пустая трасса. Лишь пара автомобилей за весь путь соизволили скрасить скучный вид. Это выглядело так, будто я быстро моргала. Мы проезжали сотни деревьев, но выглядели они как одно. Сплошной такой кадр. Анимационная картина. Справа от меня лежали пара пакетов с едой, такие полные и в то же время такие пустые. Дешёвые шоколадные конфеты. Нет, я давно уже их не любила. После того, как Уэйн угостил меня дорогими конфетами, эти перестали мне нравиться. Они стали абсолютно сухими. Родители продолжали мне их покупать, они хотели, чтобы я чувствовала их заботу и улыбалась, а я всего лишь не хотела их расстраивать. Эти чипсы со вкусом очередного заграничного животного. Никогда не понимала, чем они могут всем нравиться. В рекламе говорилось «Наши чипсы тают на языке», но мне они казались куском дерева, найденным прошлым летом в лесу и попавшим на мой язык из детского любопытства. Тёплый плед укрывал мои всё ещё детские ноги. На нём был изображён лес с са-

мыми разными деревьями. Тогда я на секунду задумалась, неужели деревья когда-то действительно так выглядели?

Скорость была чуть меньше 55 миль в час. Мать попросила отца сбросить скорость, мол мы никуда не опаздываем. Это был очередной отдых на нашей загородной даче, очередная серая суббота, очередной вечерний дождь. Утром на листьях в саду нас ждали очередные капли росы. Соответственно своим размерам они находились так далеко друг от друга. Не одиноко ли им?

Я попросила отца сделать музыку громче.

«...We're all of us stars
We're fading away...»

Мелькнула вывеска «Шоссе 108»

«...Just try not to worry
You'll see us some day
Just take what you need
And be on your way...»

Была буквально секунда, может полтары. Только что его фары едва были видны на встречной полосе, они были так далеки, казалось, луна была ближе, а теперь чей-то автомобиль в паре миллиметров от нас. Наверное, пришло время загадать последнее желание.

«...And stop crying your heart out
Stop crying your heart out
Stop crying your heart out
Stop crying your heart out...»

«Здравствуйте, дети!»

Шёл третий день моего обучения в этом колледже, а эта жаба уже заставляла своим оптимизмом срабатывать мой рвотный рефлекс. Она общалась так, будто за забором её ждал Леонардо Ди Каприо на последней модели «Maybach», но выглядела она максимум на дешёвое платье из секонд-хенда, подаренное старшей сестрой и на жирного безработного мужа, от которого прёт пивом больше, чем от школьницы на концерте «Billie Eilish» исходил бы запах пота и секса. Меня раздражал её поддельный оптимизм.

Оставалось ровно 43 минуты до этого мерзкого обеда. Я слышала, в тюрьмах кормят лучше.

Эта пересоленная картошка вкуса вчерашнего свидания местного повара, что закончилось явно не так, как он хотел.

Эти недожаренные котлеты вкуса двойки, что принёс сын поварихи домой со школы. Уверена, она считает оценку несправедливой. Вчера она приводила своего тупого отрока в столовую и кормила его по отдельному меню. В его глазах было ясно видно, что он пишет слово «Спорт» с шестью ошибками. Зато слово «Еда» он писал безошибочно. На нём

будто было написано «Умру от ожирения через 12 с половиной лет».

Если приглядеться к тарелкам, были видны следы тараканьих лапок. Мне не нравилась эта столовая.

Выйдя с колледжа, я направилась к забору. Навстречу шёл крупный парень. По его походке и одежде было видно, что он явно не первый курс. В руках у меня лежала пара книг, бесполезных, но обязательных. Громила задел меня плечом, книги упали. Он стал их собирать, быстро, но спокойно. Нет, ему было неловко. Это был очередной дешёвый подкат. Наверняка, он хотел затащить меня в постель, и я была вроде бы не против, он симпатичный, но резко наш полуметр уединения нарушил чей-то хлопок по его плечу. Это был дружеский хлопок. Вероятно, парень хотел поздороваться со своим другом-ловеласом. Я подняла глаза и увидела его. Я увидела Уэйна.

Нет. Я не чувствовала никакой вселенской радости, ни трепыхания бабочек, ни расширения собственных зрачков. В целом, мне было всё равно.

Но я была удивлена.

«...Элли, как ты? Куда ты делась? Сколько лет...»-Наверное, он был рад меня видеть, но я была не особо довольна. Он обламывал мне секс.

Уэйн настоял проводить меня до дома. Я оставила перекачанному красавцу свой номер и мы с Уэйном отправились домой. Он постоянно что-то говорил, что-то спрашивал, но мне было донельзя безразлично. Он был мне теперь чужим человеком. Из его рта выходили различные комплименты, но до моего слуха доходила лишь песня Linkin Park-«Numb», что издавалась из какой-то машины на окраине дороги, водитель которой вероятно зашёл в магазин взять чипсов, которые «тают на языке».

Уэйн говорил что-то про то, как я изменилась, а я слышала лишь «Feeling so faithless, lost under the surface». Уэйн говорил что-то про моё холодное молчание, а я слышала «I don't know what you're expecting of me». Песня будто отвечала ему за меня. После он остановился и спросил, сколько сейчас времени. Отодвинув мой рукав, чтобы взглянуть на часы, он увидел шрам, лежавший рисунком на всей руке.

—Откуда это?

—Это масло, я готовила яичницу.

—Масло? На всю руку?

—У меня тряслись руки после масштабной пьянки и жёсткой оргии. Я пролила на себя масло, а после совершенно случайно обронила спичку.

Он видел следы от нитей, что зашивали мою руку десяток лет назад. Я это понимала. Он понимал, что я не хочу говорить правду. Мы понимали друг друга.

Наконец-то я была дома. Тётя приготовила опять что-то вкусное, действительно вкусное, но после столовской отравы я не могла и думать о еде. Будь то домашняя пицца или запечённая картошка, мне становилось тошно. Она позвала меня в свою комнату. Её слова говорили, что она рада меня видеть, но её голос выдавал что жить ей осталось недолго. Это был единственный светлый человек в моей жизни. Лишь её я действительно любила. В её довольно уже старых глазах была видна боль, боль от болезни. Она не говорила мне об этой болезни. Она боялась сделать мне больно. Она тоже меня любила. Следы крови на её подушке не давали особой надежды. Я укрыла её одеялом и приказала спать. Ей нужно было больше отдыхать, а она вечно возилась со мной, как с маленьким ребёнком. Собрав кровавые салфетки и сменив свой наряд, я собралась было что-то сделать, но что, ещё не знала. Бывает же такое чувство, когда ты останавливаешься посреди комнаты и будто теряешься, теряешься в этой комнате, в этом доме, в этой жизни. Кружка с только что налитым дешёвым кофе уже не казалась горячей, она не казалась вообще, шум машин на проезжей части около дома резко затих. Была полная тишина, знаете, так бывает, когда, например, попадаешь в аварию на скорости 50 миль в час.

Зазвонил телефон. Номер был мне незнаком. Можно было ожидать рекламщиков мебели, по чьим словам, в их кроватях можно было почувствовать себя, будто в бассейне. Они

обещали, что мы будем выпадать из реальности, но на деле выпадали лишь пара пружин в этой самой кровати и несколько мышц моего тела из привычного безболезненного образа существования. Это могла быть училка, чей номер я, конечно же, не записала, но нет. Тогда бы я почувствовала этот тошнотворный оптимизм с первой секунды звонка. Это был Джон. Именно так звали перекачанного красавца, что клеил меня днём. Он пригласил меня к себе пропустить пару кружек пива. Я в свою очередь, конечно же, не отказалась.

Знаете, было даже обидно. Очередной красавец-скорострел. Меня уже привлекает идея начать спать с ботаниками.

На следующий день, когда я вышла из колледжа, ко мне подбежал Уэйн.

—Собирайся, мы идём в ресторан. Нашу встречу нужно обязательно отметить.

Нет, я понимала его, честно. Он славный парень. Уэйн был моим другом детства, но эти долгие разговоры, рестораны не вызывали у меня ни грамма восхищения. Мне не казалось это нужным, или интересным. Но когда-то он был единственным, кто относился ко мне хорошо, я не имела права отказаться.

В ресторане всё было, как в ресторане, глупые люди сидят и смотрят друг на друга. Неужели через бутылку дорогого шампанского они увидят что-то большее? Никогда не понимала этой, так называемой романтики. Эта пара здесь, чтобы

отметить юбилей, но они ненавидят друг друга. А там сидит парень, что собирается присунуть дочери своего директора. Она ему не даст, он начнёт настаивать, а через два месяца его не возьмёт ни один работодатель с настолько негативной характеристикой с прошлого места работы. Мне не нравились рестораны.

Уэйн набрался смелости и позвал меня к себе. Он сказал, что его родители где-то в командировке. Он не любил о них трепаться, да и мне было не особо интересно. Он попросил выбрать фильм. Коллекция дисков была не особо интересна. Я выбрала «Черри», фильм был про какую-то порноактрису и её лучшего друга, что сох по ней. Не знаю, трахнулись ли они, ведь не досмотрев фильм, трахнулись мы.

Я не знаю, было ли это связано с тем, что он знает меня всю жизнь или нет, но это был лучший секс в моей жизни. Когда он входил в меня, он смотрел мне в глаза. У него был такой взгляд, будто он любил меня в этот момент, а я любила его. Он чувствовал пульс моей руки, сжатой в своей. Я чувствовала пульс его члена в себе. Я чувствовала его. Я чувствовала Уэйна. А знаете, что было действительно неприятно? Утром я уже не любила его, а он меня всё ещё любил. А почему это неприятно, я не знаю. В книгах из колледжа этого не пишут.

Шла вторая неделя моего обучения в колледже. Ну как шла, ползла. Все эти нудные занятия постоянно тянули ме-

ня в сон. Я не знаю, что было бы наиболее скучно, занятия в колледже или наблюдение за камнем. Вряд ли он бы сдвинулся.

Уэйн постоянно дарил мне какие-то цветы, свои дорогие конфеты. Никогда не видела смысла в этих цветах. Обычная трава. Запах отдавал краской, нежно осыпающейся на соседние цветы с прилавка, либо же грязью, которую продавщица из ларька притащила прямо с огорода на своих дешёвых ботинках.

На своих единственных дешёвых ботинках.

Знаете, такой запах можно почувствовать, когда ты вылетаешь из машины через лобовое стекло и падаешь прямо в дождливую грязь у обочины 108 шоссе.

Нет, я несомненно продолжала спать с Уэйном, мне это нравилось, но все его попытки заставить меня к нему что-то чувствовать были жалкими и бесполезными. Я не могла понять, смотрел он на меня глазами жертвы от моей, назовём её так, красоты, или же глазами хищника, что гнался за этой добычей всю свою жизнь. Впрочем, мне было наплевать.

Мы шли домой. Уэйн снова затирает что-то про мою одежду. Ему нравилось то, как я одеваюсь, но я не особо вслушивалась. Меня заинтересовал взгляд училки по математике. Она выглядела счастливой. Наверное, было бы трудно представить, что через неделю она повесится в собственном доме, узнав о смерти своего мужа Гарри, а её сестра отправится за решётку за убийство своего любовника Гарри. Думать об

этом на тот момент, было бы, наверное, странно.

Я была дома. Тётя выглядела совсем плохо. От неё буквально отдавало смертью. Я понимала, что скоро её не станет. В целом, я могла это пережить, но меня волновал уже совсем другой вопрос. Вопрос о моём опекунстве.

Время, проведённое в детском доме, казалось мне даже весёлым и интересным. Я узнавала новых людей, у меня даже появились друзья. Уэйн навещал меня каждый раз, столько, сколько это было возможно. Уэйн был рядом. Когда проходили похороны тёти, когда играла «Time To Say Goodbye», когда тётя была рядом с родителями, Уэйн был рядом. Когда меня выписали из детдома, Уэйн был рядом.

Государство выдало мне дом, мой собственный старый дом. Мы с Уэйном постоянно трахались и смотрели Netflix. Не знаю, любила ли я его, вряд ли, но я ценила его. Эти фильмы про американских подростков, таких крутых, таких героичных, казались нам смешными. Мы были обычными людьми из пригорода, мы не долбили наркоту и не грабили супермаркеты. Мы с Уэйном были обычной, наверное, парой. Вновь показывали рекламу о дорогих диванах. На деле, диван, купленный у них, на котором мы сидели перед телевизором, казался отдельным видом пытки. Вероятно, позже эти диваны стали бы использовать военные для добычи информации от пленников. Однажды мы решили потрахаться на этом диване. С тех пор у меня появился новый шрам. Мне не нравились эти диваны.

Была, по-моему, среда. Уэйна не было дома. Он был в колледже. Готовился к дипломной работе. Я же решила, что этот колледж не даст мне ничего, кроме недосыпа и отравления желудка. В дверь позвонили. Это было как-то... неожиданно что ли. Никто к нам никогда не приходил. У меня особо не было друзей. Друзья Уэйна не заходили в наш уютный уголок. Они вечно отрывались на вечеринках у Сэнди. Я была там один раз. Не особо впечатлило. Да, там можно было бы найти себе парня на ночь, или девушку, но меня это уже не особо привлекало. Я была с Уэйном. Мне его хватало. Наверное, я к нему даже привыкла. Ещё вчера, засмотревшись в глаза Уэйна во время просмотра очередного телевизионного бреда, он спросил меня: «Элли, ты счастлива?», на что я ему ответила «Счастлив ли ты, Уэйн?». Мы понимали друг друга. Может мы не были счастливы, но он отлично трахался, а я готовила ему еду. Ещё вчера я засыпала на его груди, в этот момент будто забыв обо всём, а сегодня заявляется полицейский и говорит, что авария была не случайной, что это было умышленное убийство. Он задаёт мне какие-то вопросы, пока на фоне слышен диалог из очередного фильма про американских подростков. Вроде как этого парня из фильма всё же посадили за распространение наркотиков, а его девушка-шлюха, ради которой он торговал, всё же успешно вышла замуж за бизнесмена. Наверное, это несправедливо.

Знаете, у любого человека есть какой-то особенный

взгляд, который бывает крайне редко, например, когда остаётся доля секунды до автомобильной аварии с участием машины, из которой ты уже не выйдешь тем человеком, которым в неё садилась, или, например, когда человек максимально удивлён, будто удивлён фокусу, фокусу, который готовили всю его жизнь. Именно такой взгляд был у Уэйна, когда я рассказала ему правду. Тогда я совсем не обратила на это внимание. Меня ждали в полицейском участке.

Когда мне задавали вопросы про моих родителей, я могла ответить: «Отсоси мой член, но сначала приделай его» или «Налей мне кофе, желательнее латте, нет, определённо латте, тогда и поговорим», но нет. Я отвечала на его вопросы совершенно спокойно, я была потеряна и нотка юмора, как и нотка сарказма внезапно исчезли с моей композиции. Он спрашивал совсем разные вещи про моих родителей, про тот день, когда мы отправились на дачу, про то, давно ли я знакома с Уэйном. Я не понимала, при чём тут Уэйн. Из рта полицейского отдавало дешёвым табаком, что продаёт чернокожий старик в переулке около 5-й авеню, табаком, который воруют дети этого старика с табачных фабрик, табаком, который покупали бедные люди, люди с пригорода. Но глаза этого полицейского светились при каждой моей фразе, будто он ждал этого разговора всю жизнь. А я совсем не понимала о чём речь. Я сказала, что отвечу на всё лишь при условии, если он всё расскажет мне. Полицейский, его звали Генри, рассказал мне всё. Это был фокус.

Фокус, который готовили всю мою жизнь.

Уэйн сказал мне, что его родители зовут нас в гости, что они хотят со мной познакомиться. Ну почему бы и нет? Это было мне нужно.

Мы сидели за столом с его матерью и обсуждали кухонные дела. Отдалённо был слышен разговор Уэйна с его отцом. Они говорили что-то про бизнес. Дом выглядел чертовски красивым, а от матери Уэйна отдавало дорогими духами, они действительно приятно пахли, но я не могла уже понять, чем создан этот запах, не могла представить, о чём думал работник на фабрике, когда создавал эти духи. На стене висели картины, но я уже не могла представить, чем занимался вчера медведь, изображённый на картине, до того, как его запечатлели, не могла задуматься, была ли грудь изображённой на картине девушки действительно столь большой и красивой, или же художник преувеличил реальность ради того, чтобы понравилось ей, или поклонникам. В любом случае ради себя. Со вчерашнего дня всё будто изменилось. Мэри, так звали его мать, попросила меня помочь ей с посудой. Я закатала рукава и она увидела шрам. Она спросила про него. Она ещё не знала, что я знаю то, что она знает этот шрам не хуже меня.

Дома Уэйн рассказал мне, что его отец собирается улететь и что бизнес с понедельника будет принадлежать Уэйну.

Нет. Он не собирался улетать. В понедельник его должны были судить.

Я вышла в магазин. По пути я встретила Джона, того ловеласа из колледжа. Он намекнул, что был бы не прочь повторить, но меня это больше не привлекало. Нет, не потому что он скорострел. Наверное, потому что я чувствовала Уэйна родным себе человеком, я чувствовала, что чем-то ему обязана.

В понедельник Уэйну передали бизнес, а его отца посадили. Ни он, ни Мэри не знали правды. Правду знала лишь я. Я держала связи с полицией. Уэйн сделал мне предложение. Тяжело было думать о свадьбе, зная, что его родители убили моих.

Когда она направила на него пистолет, она спросила: «Счастлив ли ты, Уэйн?», на что он ответил «Счастлива ли ты, Элли?».

Ничего, я всё вам расскажу. Если это поможет следствию, я всё расскажу. Можно воды?.. Когда я встретила Уэйна, он был совершенно слаб, беспомощен. Он казался мне водителем автомобиля, который сломался посреди пустыни и для починки которого была нужна новая деталь. Но вместе, вместе мы смогли создать деталь из песка. Уэйн руководил большим наркобизнесом под прикрытием фабрики по изготовлению шоколадных конфет. Да и полиция прикрывала его.

Уэйн был успешным человеком, но когда я брала его за руку, он будто боялся... боялся любить.

Кто? Элли? Да, я знал её. Такая дерзкая девчонка. Вне колледжа мы особо не общались, так, один раз переспали. Но у неё были свои странности. Она постоянно приводила свои смешные примеры, касательно всего. Она будто смотрела на мир иначе. Не так как все. Вообще странная девчонка. Честно говоря, многие считали её сумасшедшей.

Когда мы с Уэйном съехались, я заметила, как он кричит по ночам. Каждую ночь сначала он бормотал что-то невнятное, а после кричал «Элли! Элли!».

Шрам? Да, он заходил ко мне на днях. Он хотел убить меня. Говорил, что я не должен был стрелять, что я не должен был останавливать её. Да, конечно! Вините во всём Генри! У всех виноват Генри! Да, мы сцепились и я порезался, но Уэйн остановился. Он посмотрел на меня таким взглядом. Честно, парень был потерян. Он развернулся и ушёл, не сказав ни слова. Больше я его не видел.

Я видела, что с Уэйном творится что-то не то. Я уговорила его рассказать мне, что происходит и кто такая эта Элли. Боже, я не хотела, чтобы так всё закончилось...

Незадолго до нашей драки с Уэйном ко мне приходила его девушка и просила помочь. Она сказала, что всё знает про Элли. Никто не должен был знать про Элли!

Ну а после вы всё знаете. После драки забежали ваши ребята с автоматами и повязали меня.

Знаете, я ведь говорила про ощущения после большого фокуса. А представьте, если это ещё не был фокус? Если это был обман зрения. Если фокус был в другом.

Я устроилась на работу. Я не хотела быть зависимой от Уэйна и его шоколадного бизнеса. Я работала на кассе в супермаркете. Знаете, наверное, это лучшее место, в котором можно работать. Каждый день ты видишь сотни людей, и про каждого из них можно написать отдельную книгу. Один мужчина долго искал Сникерс подешевле, он пытался со мной торговаться. Ему не хватало денег на конфету, которую жена попросила купить дочери, ведь вчера он потратил всё на презервативы. Самое интересное, что у его жены аллергия на латекс.

Одна женщина кричала на своего ребёнка. Она не любила его и не хотела его рождения. Эта шлюха раздвигала ноги перед всеми, кто покупал ей бутылку портвейна. Сын явно не был у неё в планах. Всё дело в том, что покупала она те же дешёвые презервативы, которые постоянно рвутся. Интересно, когда тот мужчина узнает, что его любовница от него залетела?

В обед я вышла покурить. Я увидела, как маленькая де-

вочка перебегала дорогу. Это была очень красивая девочка. Знаете, дети сейчас с первых лет становятся злыми и жадными, а она от них отличалась. Эта девочка ещё совсем не видела боли. К её шести-семи годам на ней не было видно ни единого шрама, ни единой царапины. Я видела в ней себя. Из-за угла выехала чья-то развалюха и чуть ни сбила девчонку. Я прыгнула её спасать. Нет, вряд ли она бы сильно ушиблась физически, но душевно она могла бы потерять себя. Навсегда перестать быть ребёнком. В один момент. Такое бывает, когда в больнице, после аварии, тебе говорят, что твои родители не смогли выжить.

Девочка была в порядке. Начальник отпустил меня пораньше, сказал, что мне нужно отдохнуть после этого. А мне-то что? У меня установленная зарплата. Я шла домой, я знала, что Уэйн уже дома. Наверное, готовит есть, смотрит Netflix или возится со своими бумажками. Я привыкла знать, что дома меня ждёт Уэйн. Наверное, в тот день я поняла, что люблю его.

Вернёмся к фокусу. Я уже собиралась открыть дверь, как услышала разговор. Заглянув в окно, я увидела, что Уэйн говорит с тем полицейским, который вёл дело об убийстве моих родителей. Из разговора я поняла, что у Уэйна был наркобизнес и что коп работал на него. Я поняла, что Уэйн просил копа посадить его отца, чтобы получить фабрику, и что смерть моих родителей никак с ними не связана. В тот миг мой мир перевернулся. Я могла прочесть всех людей, но Уэй-

на я прочесть не смогла. Ради денег, этих жалких бумаг, на которые дробит каждый, кому не лень, ради этого дерьма они ворошили моё прошлое. Они заставляли меня копаться в себе. Они использовали смерть моих родителей, как инструмент.

В тот момент я возненавидела Уэйна.

Забежав в дом, я схватилась за сковородку. Забавно было смотреть им в глаза. Они смотрели на меня, как на сумасшедшую. Генри стоял в недоумении, а Уэйн отшучивался, будто всё хорошо, будто он не торгует наркотиками, будто он не обманывал меня всё это время, будто я ещё та, кем была вчера. Может сил во мне было немного, но злости хватало. После того, как Генри упал, на сковороде была видна его кровь. Уэйн достал пистолет. Откуда у Уэйна был пистолет? Я сама не помню, как ствол выпал из его рук и оказался в моих, но я отчётливо помню, как направила его на Уэйна.

Сколько я себя помню, я плакала лишь дважды. Когда хоронила родителей и когда смотрела на Уэйна. Я любила его, но ненавидела. И всё же, я должна была нажать на курок.

-И что Вы собираетесь делать теперь?

Я поеду на родительскую дачу. Знаете, теперь эти капли росы не кажутся мне одинокими. Я думаю, они свободны. Свободны от обмана и от боли. Это что, «Stop Crying Your Heart Out»? Сделайте погромче.

В этой песне поётся «Просто постарайся не волноваться». Многие стараются не волноваться, а некоторые были бы рады волнению хоть на секунду. Я пуста, черства, мертва.

Знаете, так бывает, когда в тебя входит пуля, а когда ты открываешь глаза, перед тобой сидит коп и просит рассказать тебя всё, что случилось. Он говорит, что тебе повезло, раз ты жива. Разве?

Он говорит, что ты спала три с лишним месяца.

А ещё он говорит, что твой бывший не смог жить с мыслью о том, что ты мертва и о том, что он даже не вернулся в дом, даже не закопал труп.

Он говорит, что Уэйн сел за руль и разбился на 108 шоссе.

Он ещё что-то говорит, но теперь ты его не слышишь, ты слышишь лишь «You'll never change what's been and gone».